

АНДРЕЙ ПОЛЯКОВ ЗАМЕТКИ МАШИНИСТА?

Сложная машина в нашей голове, мы о ней подумали, но откуда она, какова ее причина?

Мамардашвили

Человек в истине отнюдь не тогда, когда он видит то, что все всегда повсюду видели или могут увидеть, что он сам всегда и повсюду видел. Наоборот, такие видения только связывают и ограничивают его.

Шестов

Такое же непрерывное, переливчатое движение можно наблюдать у винтиков и рячагов машин, которые то выплываются, то снова втягиваются в свое металлическое, политое маслом, ложе.

Липавский

Ламетри. "Человек-машина". Джон Лилли. Успенский с Гурджиевым. Компьютер, пишущий стихи. Шестидесятые годы. Лотман. "Анализ поэтического текста". И проч.

Мне приснилась фраза: "Стихотворение должно быть актом веры". Приснилась потому, что, засыпая, я думал о Шестове, о вере, которая должна оправдывать все, даже машину для стихов или для веры. О том, что Шестов говорил о Кьеркегоре, о Лютеровском исправлении (или - толковании?)

Павла и т.д. И, уходя в сон, представлял себе, что-то пишу о последних (предсмертных) набросках Шестова в "Воздушных путях". И даже думал, как быть дальше с этим, уже якобы написанным (вдруг - написанным) текстом.

Вот почему приснилась эта фраза: "Стихотворение должно быть актом веры".

Как можно верить в стихотворение, да еще говорить о каком-то "акте", волевом действии, свершении?

Стихи так или иначе воспринимаются на веру. Я верю, что это хорошее стихотворение и переубедить меня невозможно никакими доводами.

Можно перестать верить в то, что Хармс - хороший поэт. Качество его стихов от этого не изменится. Изменится мое восприятие, но не сами стихи - нет.

Но ведь для меня этих стихов не существует. Для меня они могут существовать только во мне. Вовсе меня - это уже стихи для других. Тогда, какая мне разница, что думает о них какой-то Иванов? Это его личное дело, а не мое.

Все очень субъективно, никакой объективной механики тут быть не может. Если под объективностью понимать количество субъективных оценок - тогда, конечно, да. Так, наверное, часто и бывает. Но при чем здесь я?

Это не к тому, что я как бы тоньше, умнее и все воспринимаю как-то необыкновенно глубоко. Нет. Просто моя вера в то, что эти стихи хороши - это моя вера; это мое дело. Дело, которое никто кроме меня не сделает. Никто мне не в силах ни помочь, ни помешать.

Я ВЕРИЮ, что данное стихотворение - хорошее. Я не говорю, что оно мне нравится. Оно может мне и не нравиться. Но это не мешает мне верить в то, что это стихотворение - хорошее.

Иногда я совершаю над собой усилие, чтобы поверить, что это стихотворение и вправь хорошо. Значительность или незначительность подобных усилий не существенна. Иногда у меня получается поверить, иногда - нет. Но что это меняет? Это не меняет ничего.

Эстетика (как наука, как "учение о прекрасном", как нозология) - это вопрос веры. Вопрос каких-то волевых усилий, послушных векторов, которые как-то, куда-то надо прикладывать. И двигать горы.

Красота-сама-в-себе и красота сама-для-себя - разные вещи. Но и обе эти вещи - тоже вопрос веры.

Можно верить в красоту. Заставлять себя верить. Верить в то, что красота - красива. Верить в то, что красота - это "вот это", а "вот это" - красиво. Тогда вопрос о том, что такое красота упраздняется. Красота это то, во что я верю. Я заставляю себя поверить, что нечто - красиво. Это мое "усилие веры" и есть красота.

Иногда заставлять себя верить и не надо (бывает) - просто "верится" и все. Но есть вещи, которые требуют актов воли, или даже агона, борьбы. "Просто так" - уже не верится.

Да. "Просто так" - не верится. И заставить себя поверить - не удается. Разум бесполезен, как бесполезна механика в стихах, техника, мастерство, "Профессионализм"...

Даже странно, насколько это все НЕ НУЖНО.

Хотя мне и нравятся "красивые", мастерские, сделанные тексты: акмеизм, Бродский, ленинградцы. Я понимаю ЧЕМ они хороши, КАК они хороши и ПОЧЕМУ. И это понимание доставляет мне удовольствие.

Мне приятно, что я знаю, как так можно писать, как поставить слова; как можно сказать, а как - нельзя; как поиграть с читателем.

Лексика, реминисценции, культурные слои. Традиция работает, ровно гудит механизм. Что-то в этом есть. Нет, правда, приятно вот так постоять рядом со станком, с "культурным аппаратом".

Но я имею в виду не только сугубо внешние вещи, шестеренки, стерженьки, пружинки. Не только приводные ремни, леса, всю эту фабричную архитектуру, но и сам способ жизни там - на фабрике, в цехах, среди станков, грохота, пота. Кто там может жить? Не вытаскивать детали, а - ЖИТЬ? И как там жить?

Это я уже заговорил о метафизике, вдруг так вот - ни с

письма.

Итак. Вера в стихи (да и вера вообще) не дается легко, как не дается легко ничего. Она, эта вера, требует порой значительных усилий, которые могут потребовать других усилий, а те - еще одних и так - до бесконечно-сти... Это удручет.

Но так и должно быть. Поэт не должен ни на что надеяться, работать всегда немного вхолостую. Говорить в пустоту, если и не в абсолютную, лишенную смыслов, сознания или, по крайней мере, разумного объяснения самой этой пустоты, то - в конкретную, легко растворяющую сердце, интертекстуальную ПУСТОТУ.

Поэзия, вера в свои стихи - это и есть пустота, которую нельзя заполнить ничем, ни любовью, ни смертью. На что-то надеяться, пожалуй, не стоит.

Стихотворение (особенно твое собственное) оказывает вере в него определенное сопротивление. Сопротивление можно преодолеть. Иногда это происходит легко, само собой, почти незаметно. Иногда - нет.

Душа что-то теряет. Что-то неуловимое уходит из души, улетучивается, ускользает навсегда. Душа меняется. Да ты уже не такой, каким был раньше.

Это можно назвать "опытом". Даже "полезным опытом", хотя какая от этого польза я не знаю. И что делать с этим опытом дальше, что это может дать - я тоже не знаю.

Правда, есть еще вот какой момент. Отказавшись от веры в стихи, пустоту можно чем-нибудь заполнить. Но чем? Ценностями обыденной жизни слишком велики, чтобы туда вместиться. Да и ты уже не очень хорошо разбираешься в этих ценностях. А то и вообще потерял к ним интерес.

Скорее всего - не нужно от пустоты ожидать чего-то, кроме пустоты. Я уже говорил - надеяться не стоит. Вероятно, это бесполезная пустота.

Даже словами нельзя заполнить ее, потому что слова потребуют новой веры, новой борьбы, но ведь и старая вера еще не приобретена и старая борьба еще не окончена...

Это звучит глупо. Но ведь я вправь чувствую в себе такие метафизические пустоты - безполезные, но и бесполезные. Может быть, и не бесполезные, но лично мне предназначение этих пустот неизвестно.

Не являюсь ли я все-таки машинистом? Хорошее слово - коленвал. Или -

анапест.

Говоря о бесполезности поэтического опыта, я не кривлю душой: это реальность; я это чувствую как клавиши своей печатной машинки, желание курить, усталость, грусть.

Вера в стихи требует борьбы и потерь. Логика борьбы поддается изучению, опыт потерь - темен и загадочен для меня.

В борьбе за веру можно приобрести только веру, но не опыт. Хотя для любого поэта это самое ценное приобретение, все остальное - не важно. Или так: не столь важно (потому что, конечно, тоже важно, но - по другому), как вера в собственные стихи. Или в стихи вообще.

А действительно не важно, так это качество этой веры или качество самих стихов. Я не говорю о количестве. Количество просто не существует.

В борьбе за веру в стихи нет гениев и графоманов. Есть лишь те усилия, которые великие поэты или бездарные виршеплеты приложили к тому, чтобы УВЕРОВАТЬ.

Борьба за абсолютную веру в стихотворение - это апофеоз субъективности. Оценить эту борьбу можно только изнутри.

Хотя "апофеоз субъективности" через склон громко сказано и опять отсылает к Шестову. Речь лишь идет просто о некоторых психологических актах, велениях. О при-чудах рефлексии и перцепции. Больше ни о чем.

Только Бог знает всех своих святых и только Аполлон знает всех своих хрецов. Но, боюсь, что и здесь есть своя машина и запах машинного масла будет неизбежно примешиваться к фимиаму. Может быть, это и правильно. Не знаю.

Зато я знаю то, что со стихами ничего не кончается. Ни сами стихи. Ни вера в них.

Ни машинист, который только что окончил эти заметки.

3.04.1997г.
Симферополь

1. 96 - 24. Игорь Савченко, 1996.

того, ни сего. Забавно.

Стишок можно "рассчитать", но кроме формы (механики) метафизику в стишке тоже можно "рассчитать". Я и об этом тоже.

Все вычислить заранее - где свет, где тьма. Чего там дальше будет. И это читатель ВЫЧИТАЕТ, если захочет. Это ведь тоже не вопрос веры. Это вопрос квалификации. И уважения к мастеру (ударнику) на данном предприятии.

Я возьму сейчас линейку и начерчу схему мира. А еще я возьму бумагу и на этой бумаге напишу формулу, доказывающую существование Бога.

Вот, я доказал существование Бога. И можно уже не верить, а просто знать. Никаких больше сомнений и поисков. И что? БУДЕТ после этого Бога? После этого - для тебя - сразу - будет - Бог - которого - до этого - для тебя - не было?

Если Бога можно доказать с помощью линейки и формул, то Бога не должно быть.

Но вот мне уже что-то стало не по себе, потому что "перешел на Бога" (Шестов попутал). А этого делать не надо.

Я хотел сказать о другом - о том, что стихотворение не нельзя принять в себя, не веря в него. И, как правило, эта вера не дается даром, ее надо как-то стяжать. Не обязательно заработать или выстрадать. Просто СОБРАТЬ в себе. Много ли ее нужно собрать? Не знаю. Просто накапливать, пока не почувствуешь, что - ВОТ.

Просто заставлять себя верить снова и снова в то, что эти слова есть те самые слова, что должны быть. Что эти слова - и есть вера. Что в них нельзя не верить. В них, а не им.

Поэт пишет стихи. И вот в свои-то стихи (по крайней мере - в свои), он должен верить абсолютно. Не в себя как в человека, не в свое какое-то там "предназначение", а - в строчки на бумаге, написанные им.

Это тяжелее, чем кажется. Я в свои стихи верю не абсолютно. А это уже путь в машинисты. Вот почему я и захотел как-то не упустить свой сон о "вере в стихи". И что-то написать об этом. И как-то с собой разобраться в процессе